

2

Продержаться — в этом глаголе сконцентрировались все экзистенциальные страхи Жана Фарея: не потерять жену, сохранить здоровье, дожить до глубокой старости, как можно дольше блистать в эфире. В свои семьдесят лет, сорок из которых он не сходил с экрана, он с яростью старого хищника, скрывая воинственный дух под маской невозмутимости, наблюдал за тем, как на телевидение приходят молодые волки. Тело проявляло первые признаки слабости, зато он сохранил железные нервы и острый ум, разивший наповал, так что молодой собеседник, недооценивший его мощь, быстро ощущал полное интеллектуальное бессилие и разом терял спесь. “Это у меня от природы”, — заявлял Жан, когда его спрашивали, как ему удается сохранять столь блестящую форму. Каждое утро он занимался с личным тренером, чьими услугами пользовалась также одна из французских эстрадных звезд. За его питанием следил диетолог, на которого молилась вся парижская светская тусовка. Он скрупулезно

взвешивал продукты, не позволял себе расслабиться, был постоянным клиентом в двух-трех ресторанах, где собирался цвет столичных медиа. Как он сохраняет стройность? Он поведал прессе: “При малейшей возможности стараюсь не есть”. Раз в год он тайком ложился в косметологическую клинику, расположенную в двух шагах от его офиса на улице Понтье в 8-м округе Парижа. Он уже делал липосакцию шеи и живота, пластику век, легкую подтяжку лица, сеансы лазера и инъекции гиалуроновой кислоты — только не ботокса, который сковывает мышцы и придает человеку вид восковой куклы: он хотел выглядеть *естественно*. А еще он проводил три недели в году — одну зимой и две летом — в горах, где под контролем кардиолога и натуропата держал строгий пост, предаваясь радостям альпинизма и совершая лыжные прогулки. После этого его сердце работало как у юноши. Он отказался от плавания и закрыл свой абонемент в бассейне отеля “Ритц”, где много лет имел счастье встречать самых очаровательных актрис: мода на нравственность, охватившая политический и медийный мир, требовала повышенной осторожности. Теперь из-за социальных сетей ничего нельзя было скрыть, так что он сделал ставку на сдержанность и осмотрительность.

Каждые три месяца он посещал терапевта и сдавал все анализы. Знал наизусть свои показатели СОЭ, С-реактивного белка, трансаминазы, проверял организм на наличие всех существующих онкомаркеров, особенно с тех пор, как у Клер обнаружили рак груди. “Ты же знаешь, я такой мнительный”, —

оправдывался он. Он просто хотел продержаться, любой ценой остаться в эфире. В конце весны ему снова предстояло позировать знаменитому фотографу для обложки “Пари Матч”: этот ежегодный ритуал обеспечивал ему известность, восхищение публики и поддержку канала. Как обычно, он предстанет перед зрителями во время занятий спортом — велосипед, пробежка, скандинавская ходьба, — словно желая сказать: смотрите, я по-прежнему крепок и бодр. В этом году он дал согласие участвовать в передаче “Форт Боярд”, так что телезрители смогут убедиться в его превосходной физической форме.

Жан Фарель всю жизнь посвятил работе: он называл ее своей страстью. Движущей силой его жизни были политика и журналистика: начав с нуля, без образования, без связей, он карабкался вверх, ступень за ступенью; пришел на *ORTF*¹ простым стажером, а спустя десять лет стал ведущим информационных выпусков на первом канале. Надолго расстался с телевидением и перешел на крупную государственную радиостанцию, на должность директора вещания, потом вернулся, почти десять лет вел информационную программу на государственном канале, потом утреннюю передачу на радио. Его откровенные беседы с гостями, колкие реплики, взвешенные, изящные, подкрепленные точными цитатами, быстро создали ему репутацию ловкого мастера словесных поединков. Именно в ту пору он задумал “Устный экзамен”, телевизионное ток-шоу, где в качестве

¹ *ORTF* — Управление радиовещания и телевидения Франции (1964–1975). (Здесь и далее — прим. перев.)

главного героя выступал какой-нибудь политик, которому задавали вопросы и сам Фарель, и приглашенные им писатели, актеры, деятели культуры — Жан выбирал среди них самых дерзких смутьянов, — и каждая передача превращалась в пятнадцать минут оскорблений, угроз подать в суд за клевету, а назавтра ее подробно обсуждали во всех медиа и социальных сетях. Он долгое время вел эту программу в прямом эфире, но однажды в шестьдесят семь лет, когда он был дома, у него случился небольшой спазм сосудов мозга: несколько секунд он не мог говорить. Это происшествие не имело никаких последствий, и Жану удалось сохранить его в тайне, дабы не испортить себе карьеру, но с тех пор он вынужден был записывать передачу заранее, по официальной версии — чтобы гости чувствовали себя более свободно и комфортно; на самом деле его приводила в ужас мысль о приступе, который может произойти в прямом эфире и положить конец его головокружительному успеху на *YouTube*. У него не было ни малейшего желания ни уходить из эфира, ни отказываться от того, что давало ему силы не бросать свое дело, — от страсти к политике, от адреналина перед объективом телекамеры, от славы и ее преимуществ и, конечно, от власти, от этого ощущения всемогущества, порожденного интересом публики и неизменными знаками почтения, которые все ему оказывали, узнавая при встрече.

Нарциссизм, навязчивое желание оставаться в кадре и блистать мастерством были его допингом. Он и теперь не сходил с экрана, но каждое утро пытался

разглядеть в зеркале признаки неминуемого дряхления. А между тем он *не чувствовал* себя старым. Попытки оболыщения — ибо он по-прежнему хотел нравиться — теперь сводились к обедам в компании коллег женского пола, предпочтительно моложе сорока, и начинающих писательниц, чьи имена он вылавливал в прессе осенью, в начале очередного литературного сезона, а затем отправлял им восторженные послания: “Ваш первый роман — лучшее произведение новой литературы”. Они всегда ему отвечали, и только после этого он в самых смиренных выражениях приглашал их пообедать в ресторан, где было на кого посмотреть и кому себя показать; они соглашались, польщенные возможностью поговорить с зубром медийного мира, у него в запасе имелся миллион забавных историй, он купался в их восторженных взглядах, дальше этого дело не заходило, и все оставались довольны.

Здание телеканала представляло собой гигантский садок, кишаший юными созданиями: журналистками, стажерками, приглашенными гостями, редакторами, ведущими, ассистентками. Иногда он ловил себя на мечтаниях о том, как он начнет жизнь заново с одной из них, сделает ей ребенка. Их было так много, готовых обменять свою молодость на надежность и покровительство. Он мог бы ввести их в мир медиа — и дал бы им фору в десять лет по сравнению с другими, — а сам на несколько лет помолодел бы, всюду показываясь с ними и заряжаясь от них свежей сексуальной энергетикой. Он знал все это отлично, однако ему не хватало цинизма: он не смог бы назвать любовью простой бартер. Кроме того, он никогда не решился бы бросить свою тай-

ную подругу, Франсуазу Мерль, журналистку печатной прессы, получившую в семидесятых премию Альбера Лондра за потрясающий репортаж “Забывтые в Палацио” о жилом комплексе в департаменте Сена-Сен-Дени¹. Она начинала как журналистка отдела “Общество” в крупной ежедневной газете. Затем работала репортером, выпускающим редактором, заместителем шеф-редактора и, наконец, шеф-редактором, пока не потерпела поражение на выборах главного редактора. Теперь она числилась редакционным консультантом, и это мутное название уже два года позволяло обходить молчанием большую тему — неофициальное отстранение от работы, предвещавшее скорое увольнение на пенсию, чего она так боялась, пребывая все эти два года в депрессии и лечась анксиолитиками, чтобы как-то пережить бесцеремонную попытку выставить ее за дверь, хотя она чувствовала себя еще полной сил и на многое способной.

Жан познакомился с Франсуазой Мерль — красивой, образованной, благородной женщиной, которая совсем недавно отметила шестьдесят восьмой день рождения, из-за которой он уже восемнадцать лет вел *двойную жизнь*, — спустя три года после рождения сына Александра, в кулуарах своей ассоциации “Право на успех”: она объединяла его коллег, желавших помочь старшим школьникам из обездоленных слоев общества поступить в учебные заведе-

1 Речь идет о грандиозном жилом комплексе, так называемом “Пространстве Абракасаса”, построенном испанскими архитекторами во второй половине 70-х годов. Он состоит из трех корпусов — “Палацио”, “Театр” и “Арка”.

ния, где готовят журналистов. Год за годом он обещал Франсуазе, что *однажды* они будут вместе; бездетная, незамужняя, она тщетно ждала Жана; у него не хватало духу развестись, и не столько из любви к жене — его интерес к Клер уже давно сводился лишь к семейным отношениям, — сколько из желания защитить сына, оградить от невзгод, поддержать его душевное равновесие. Александр с детства опережал сверстников в развитии, стал блестящим юношей, достиг незаурядных спортивных успехов, но в повседневной жизни по-прежнему казался Жану незрелым. Александр только что прилетел в Париж, чтобы присутствовать на церемонии в Елисейском дворце: тем вечером его отцу должны были присвоить звание великого офицера ордена Почетного легиона¹. С тех пор как Клер объявила о разводе, он виделся с сыном только один раз. Жан заверил Александра, что все поправимо, ведь свое расставание они официально не оформили: он втайне надеялся, что жене быстро наскучат новые отношения и, столкнувшись с отвратительными серыми буднями, она вернется в супружеское гнездо. Поэтому он ничего не сказал Франсуазе: она сумела бы найти аргументы и вынудить его связать себя обязательствами, а этого ему совсем не хотелось. Он любил ее, был глубоко к ней привязан и не смог бы порвать с ней, не сломавшись сам, однако ясно сознавал, что ее время ушло. Ей было почти столько же лет, сколько ему; он не смог бы появляться с ней на публике без ущерба для своего имиджа. Из-за нее в его образе появилась бы но-

¹ *Великий офицер* — одно из высших званий ордена Почетного легиона.

вая черта, именуемая старостью. Его жена вызывала уважение и даже восхищение в интеллектуальных кругах, тогда как его самого часто обвиняли в беспринципности и демагогии. Клер была его козырной картой, и он, снимаясь для журналов, без колебаний позировал вместе с семьей, представлял перед публикой преданным мужем, хорошим отцом, который дорожит семейным очагом и уважает труд своей молодой жены, а она ему подыгрывала, прекрасно понимая, какой толчок ее собственной карьере может дать тщательно срежиссированная постановка для прессы. Потом Франсуаза находила эти статьи и в приступе отчаяния рвала страницы драматическим жестом, вполне уместным в их интимном водевиле, заявляя, что не может больше мириться с тем, какое место он ей отводит. “Да пошел ты к черту! — разгорячившись, кричала она. — Тебе не женщина нужна, а мать! Сходи лучше к психиатру!” — и удалялась, хлопнув дверью. Весьма впечатляюще. Такие сцены разыгрывались все чаще и чаще... Мать Жана была запретной темой. Анита Фарель, бывшая проститутка и токсикоманка, родила четверых сыновей от трех разных мужей и растила их в сквоте в 18-м округе Парижа. Однажды, вернувшись днем из школы, девятилетний Жан нашел ее мертвой. Социальная служба отправила братьев в приют. В ту пору Жана еще звали Джоном, а дома — Джонни, в честь Джона Уэйна: мать обожала этого актера и смотрела все фильмы с ним. Их с младшим братом Лео взяла к себе и усыновила семья из парижского пригорода Жантйи. Теперь Лео, шестидесятиоднолетний бывший боксер, был его самым близким доверенным лицом и улаживал

все неприятные делишки, которыми Жану при его статусе не следовало заниматься. В их приемной семье жена воспитывала детей, а муж работал спортивным тренером. Они любили братьев как родных сыновей. Джон не получил основательного образования, но самостоятельно преодолел все ступени карьерной лестницы в ту эпоху, когда честолюбивый самоучка не робкого десятка вполне мог добиться успеха. Когда его взяли работать на радио, он поменял документы, выбрав французский вариант своего имени, более элегантный и более буржуазный — Жан. Он мало говорил о прошлом. Раз в год, на Рождество, он собирал их всех вместе — приемных родителей, Лео и еще двух их братьев, Жильбера и Пауло, которые воспитывались в другой приемной семье, в департаменте Гар, и стали земледельцами, — на этом их общение заканчивалось.